

В глухих горах, где заброшенный храм стоял вдали от людских троп, царила глубокая, почти осязаемая тишина. Вернувшись, Цинь Чжэн безвольно опустился перед полуразрушенным алтарём для благовоний. Яд всё ещё отравлял тело; в мыслях царил туман, а в висках тяжело, нудно стучало. Ему оставалось лишь сидеть неподвижно, пережидая слабость.

«Тридцатидневный Жасмин» — коварный яд. Стоило ему попасть в кровь, как приступы начинали терзать жертву каждые три дня: тело разбивал паралич, мышцы сводило мучительными судорогами, и без противоядия человек попросту задыхался. Тот, кто отравил его, проявил изощрённую заботу. Он не желал мгновенной кончины Цинь Чжэна, но и оставлять его в живых не собирался. Именно поэтому в руках у него оказался этот дорожный фляга-чайник — одновременно и спасение, и смертный приговор. На его дне скрывалась бусина, пропитанная другим редким ядом — «Порошком Короля Трупов». Растворяясь в вине, он подавлял действие «Жасмина», но медленно, капля за каплей, подтачивал жизненные силы. Ровно через три года несчастный угасал, обращаясь в прах. Говорили, что после кончины плоть сгнивала за считанные часы, обнажая лишь почерневшие, обугленные кости. Отсюда и пошло жуткое название — Порошок Короля Трупов.

Цинь Чжэн покачал флягу. Тихий, хрустальный перезвон бусины отозвался в полумраке. Юноша горько, обречённо усмехнулся.

— Спасибо за милость, и спасибо за жестокость, — прошептал он в пустоту. — Я ведь лишь хотел узнать правду. Но теперь и она мертва, и спрашивать больше не у кого...

— Многолетняя привязанность оборвалась. Будем считать, что я расплатился за неё своей жизнью и честью.

Выплыть из омут горьких воспоминаний ему помешал внезапный шум. С улицы донёсся стук копыт и скрип тележных колёс.

Похоже, к заброшенному храму свернул целый караван. Судя по глухому, тяжёлому скрежету колёс, врезавшихся в раскисшую глину, везли они нечто весьма увесистое. В дверном проёме показался Вэнь Тинъюнь. Одной рукой он придерживал рукоять сабли на поясе, в другой держал два запечатанных кувшина и мягко, приветливо улыбался.

— О? — удивлённо приподнял брови гость. — Брат Чэнь? Какая неожиданная встреча! Что привело вас сюда?

«Неожиданная?»

«За те три месяца, что я здесь провёл, об этой глухомани знали разве что местные нищие. Нормальный человек в такую чащу ни за что не сунется. Храм стоит в стороне от тракта, и даже если каравану понадобилось обойти заставу или срезать путь, их дорога никак не могла пролечь через эти руины. Поверить в подобное совпадение — всё равно что ждать, будто с неба на тебя свалится горячая лепёшка...»

Цинь Чжэн заставил себя улыбнуться, хотя лицо после приступа яда двигалось неохотно.

— Брат Вэнь, вы сопровождаете груз?

Вэнь Тинъюнь подошёл ближе и сел рядом, однако вежливо выдержал небольшую дистанцию. Отвязав оружие, он поставил кувшины прямо перед Цинь Чжэном.

— Именно, везём товар, — бодро отозвался он. — Проезжали мимо, да решили укрыться от непогоды в лесной глуши. Кто же знал, что встретим тут старого знакомого! Это вам, угощайтесь.

Цинь Чжэн решил, что это снова драгоценная «Чистая жидкость девяти эликсиров», и смутился от такого внимания.

— Это ведь дорогое вино. Брат Вэнь столь щедр ко мне... Я даже не знаю, как вас отблагодарить.

Вэнь Тинъюнь сорвал печать с горлышка и протянул руку, указывая на флягу в ладони юноши.

— Позвольте, я налью.

Цинь Чжэн передал ему флягу, залюбовавшись его спокойным профилем. У Вэнь Тинъюня были благородные черты лица, прямой точёный нос, а когда он переставал улыбаться, в его облике проступала холодная, строгая сдержанность, внушающая невольное почтение. Он явно был моложе самого Цинь Чжэна, однако держался удивительно уверенно и зрело — должно быть, сказывались годы, проведённые в суровых скитаниях по цзянху.

Заметив на себе пристальный взгляд, Вэнь Тинъюнь мягко усмехнулся и, вернув наполненную флягу, негромко спросил:

— Ну как, нравится?

Цинь Чжэн замер в замешательстве. Он не сразу понял, о чём его спросили — о самом вине или же о приятной наружности собеседника, которую он так бесцеремонно разглядывал. На всякий случай он решил ответить на второе:

— Да, весьма недурно... Позвольте спросить, брат Вэнь, сколько вам лет?

— Девятнадцать, — прищурился тот.

— Надо же, — искренне удивился Цинь Чжэн. — Такой молодой, а уже ведёшь за собой

караван. Должно быть, глава школы Семя Мечей возлагает на тебя большие надежды.

— С чего ты взял? — Вэнь Тинъюнь заинтригованно склонил голову набок.

— Твои люди беспрекословно тебе подчиняются, — пояснил Цинь Чжэн. — Стоило тебе войти, как они даже взгляда не смеют направить в сторону храма. Лошадей распрягли уже давно, но все стоят снаружи и не шевелятся, будто ждут твоего знака. Подозреваю, в этом походе именно ты за старшего, и твоё слово здесь — закон.

Вэнь Тинъюнь действительно казался ему загадкой, поэтому Цинь Чжэн наблюдал за ним с удвоенным вниманием. Но поскольку юноша не чувствовал от гостя никакой угрозы, он говорил открыто и прямо.

Вэнь Тинъюнь бросил короткий взгляд на дверной проём. Заметив, какими испуганными тенями жмутся у входа его подчинённые, он недовольно нахмурился и скомандовал тоном, не терпящим возражений:

— Заносите вещи и устраивайтесь. Да пошевеливайтесь там!

Но стоило ему повернуться обратно к Цинь Чжэну, как суровость мгновенно испарилась, уступив место прежней мягкой улыбке.

— Сделай глоток, брат Чэнь. Попробуй.

Цинь Чжэн, желая проявить вежливость, сделал щедрый глоток прямо из горлышка, но тут же поперхнулся — горло обожгло неистовым жаром. Он зашёлся в безудержном кашле.

— Кхе-кхе!.. Да что же оно... кхе... такое крепкое?!

Вэнь Тинъюнь сочувственно похлопал его по спине, помогая перевести дух.

— Это лечебная настойка на травах, она и должна быть крепкой.

Цинь Чжэн прислушался к собственным ощущениям. На языке действительно остался сложный, непривычный травяной привкус.

— Настойка?!

— От мнимой беременности, — невозмутимо пояснил Вэнь Тинъюнь. — Хоть прежнего здоровья уже не вернуть, но это лучше, чем ничего. Пей спокойно, брат Чэнь, вреда от неё не будет. Я бы никогда не стал вредить тебе.

Цинь Чжэн смекнул, что во время давешней проверки пульса его новый знакомый что-то заподозрил. Но раз тот не спешил раскрывать карты, Цинь Чжэн решил поддержать эту игру.

— О твоих дурных намерениях я и не думал. Просто мы едва знакомы, а твоё гостеприимство ставит меня в неловкое положение.

Вэнь Тинъюнь упёрся ладонями в земляной пол и огляделся по сторонам, оценивая заброшенную обитель. Одобрительно хмыкнув, он повернулся к собеседнику:

— Если тебе неловко, у меня есть предложение. — Он указал глазами на дырявую крышу и облупившиеся стены. — Место здесь тихое, от дождя и ветра укрыться можно. Мои люди изрядно вымотались в дороге. Если ты не против, мы бы заночевали здесь пару дней. Считай это платой за кров — да и за разбитую пиалу, она ведь стоила немалых денег.

Цинь Чжэну ничего не оставалось, кроме как согласиться — платить за ущерб ему всё равно было нечем. Конечно, желание Вэнь Тинъюня погостить в этих трущобах выглядело более чем подозрительно. Он явно шёл по его следу, но тактично подбирал предлоги, чтобы не задеть гордость беглеца. Впрочем, раз враждебности гость не проявлял, скрываться не имело смысла. Лишившись внутренней силы, Цинь Чжэн стал беззащитен перед любым уличным разбойником, и если бы Вэнь Тинъюнь хотел его смерти, то давно бы прикончил. Рано или поздно тот сам откроет свои мотивы, так что оставалось лишь набраться терпения.

— Храм не принадлежит мне, но я, конечно же, не против вашего соседства, — улыбнулся Цинь Чжэн, потирая ладони. — Присутствие столь благородных воинов — великая честь для этих скромных руин!

Вэнь Тинъюнь от этих слов рассмеялся так заразительно, что согнулся пополам. Однако его людям, стоявшим на пороге, от этого весёлого смеха сделалось не по себе.

Спутники Девятого господина испуганно перешёптывались:

— Слыхали? Наш Девятый господин так заливается... Дело дрянь, пропали мы.

— Неужто стряслось чего? Этот Чэнь Дацзюнь там ещё дышит?

— Да живой вроде. Сидят, болтают мирно. Только пойми попробуй: радуется Девятый господин или лютует?

— Чёрт его знает. Вот прибудет Старый хозяин долины, и у нас появится ещё один господин, перед которым придётся ходить на цыпочках.

— М-да, похоже, безумие Девятого господина совсем разыгралось. Нам теперь и пикнуть лишний раз нельзя, не то живо без головы останемся.

Пока снаружи все замерли в священном трепете, Цинь Чжэн, напротив, окончательно расслабился. Вспомнив, что в его обители нет ни крошки съестного для такой прорвы гостей, он поднялся и отряхнул полы одежды.

— Прошу простить за скудное гостеприимство, но угостить вас мне решительно нечем. Пожалуй, схожу в город, раздобуду хоть какого-нибудь провианта.

Вэнь Тинъюнь потянул его за край рукава, удерживая на месте.

— Не нужно, брат Чэнь. Посиди со мной, сейчас всё принесут.

Цинь Чжэн опустил взгляд. Девятый господин, словно капризный ребёнок, вцепился пальцами в его одежду и смотрел снизу вверх просящим, преданным взором. Сердце Цинь Чжэна дрогнуло, и он послушно опустился обратно на солому.

Как оказалось, слуги занесли не только кувшины. Прямо перед входом в храм они развернули целую походную кухню: выгрузили котлы, расставили утварь и даже привезли собственного повара. Работа закипела мгновенно — одни кололи дрова, другие носили воду, третьи шинковали овощи. Вскоре по заброшенной обители растёкся умопомрачительный аромат жареного мяса и специй.

Цинь Чжэн шумно сглотнул набежавшую слюну.

— Надо же... Нынче караванщикам приходится возить с собой повара и кухонную утварь. Тяжёлое у вас ремесло.

Вэнь Тинъюнь лишь загадочно улыбнулся и негромко хлопнул в ладоши. По этому знаку слуги один за другим потянулись внутрь. За неимением стола они расстелили на земляном полу плотную промасленную бумагу и выставили на неё больше десятка изысканных блюд, чей вид и аромат мгновенно пробуждали зверский аппетит.

Цинь Чжэн едва сдерживал ликование — он уже и забыл, когда в последний раз ел горячую, досыта приготовленную пищу.

Расставив приборы, слуги почтительно поклонились и собрались было уходить. Понимая, что всё это изобилие предназначено лишь для них двоих, Цинь Чжэн почувствовал неловкость.

— Пусть они тоже заходят, — предложил он. — В горах по ночам свирепствует ледяной ветер. Вместе ужинать и теплее, и сытнее.

— М-м... Ну хорошо, — нехотя согласился Вэнь Тинъюнь и позвал остальных.

Правда, стоило караванщикам войти, как они послушно сбились в кучу на противоположной стороне импровизированного стола. Они жались друг к другу, рассаживаясь чуть ли не в два ряда, тогда как вокруг Цинь Чжэна и Вэнь Тинъюня образовалась широкая полоса пустоты. Ни один слуга не осмелился приблизиться к ним ближе чем на три шага.

Цинь Чжэн не стал настаивать. Видимо, Вэнь Тинъюнь держал подчинённых в ежовых рукавицах, и спорить с заведёнными порядками не стоило. С лёгким сердцем он принялся за еду.

Трапеза проходила в полном молчании. Слышен был лишь негромкий голос Девятого господина: ловко орудуя палочками, он указывал то на одно блюдо, то на другое, расписывая их вкус точь-в-точь как заправский трактирный зазывала, и успокаивался только тогда, когда Цинь Чжэн послушно отправлял кусочек в рот.

Сам Вэнь Тинъюнь почти не притрагивался к своей чаше, довольствуясь тем, с каким удовольствием ест его спутник.

— Ну как, достаточно остро? — заботливо поинтересовался он.

— М-м, в самый раз! — кивнул Цинь Чжэн. — На южной границе днём с огнём не сыщешь такой остроты... погоди, неужто вы и специи с собой привезли?

— А как же, — усмехнулся Вэнь Тинъюнь. — Разве в этой глуши найдёшь приличный перец? Главное, ешь не торопись, не ровен час подавишься.

Он налил из чайника тёплого отвара и пододвинул пиалу поближе.

— Отведай-ка вот этой картофельной соломки в кисло-остром соусе.

Цинь Чжэн последовал совету. Вкус превзошёл все ожидания.

— Изумительно! Маринованный перец у вас отменный, да и уксус непростой — благородный, из Юнчуна.

Вэнь Тинъюнь удивлённо округлил глаза:

— Какое тонкое чутьё, брат Чэнь! Распознать юнчуньский уксус по одной лишь капле...

— Позволь угадать, — улыбнулся Цинь Чжэн. — Его вы тоже везли с собой?

— Разумеется. А теперь попробуй острую говядину в бульоне.

Тут только Цинь Чжэн обратил внимание на одну странность: каждое блюдо на импровизированном столе так и полыхало багровым перцем. Сам он обожал острое, но вот сидевшие напротив дюжие караванщики явно страдали. Кряжистые мужики обливались потом, их лица горели свекольным румянцем, но они безмолвно и обречённо запихивали в себя пылающую пищу.

«Зачем готовить исключительно острое, да ещё и тащить специи через тридевять земель, если половина отряда не переносит такую еду?» — озадачился Цинь Чжэн. В голову закралась безумная, тщеславная мысль: «Неужто это пиршество устроено ради меня одного? Вот уж действительно нечаянная удача свалилась на мою голову».

Отставив пиалу, Цинь Чжэн с сочувствием обратился к одному из попутчиков:

— Брат, на тебе лица нет. Стряслось чего?

Тот, к кому он обратился, носил имя Чжоу Ли. Бедняга сидел, зажмурив полные слёз глаза; вдобавок он сдуру потёр веки грязным рукавом и теперь едва ли мог хоть что-то разглядеть.

— Да нет же, вовсе нет! — замахал руками Чжоу Ли, шмыгая носом. — Благодарю за заботу, брат Дацзюнь! Вкуснотища невероятная, за уши не оттащишь!

Цинь Чжэн едва сдерживал улыбку при виде его заплаканного лица:

— Отчего же тогда слёзы ручьём?

Вэнь Тинъюнь устремил на подчинённого ледяной взгляд:

— Что за недовольство на твоём лице?

Чжоу Ли судорожно сглотнул, поспешно запихнул в рот целую горсть риса и забормотал сквозь кашель:

— Какое недовольство, помилуйте, господин! Это... это слёзы чистейшей радости от того, что ничтожному слуге дозволено сидеть за одним столом с Девятым господином и уважаемым братом Дацзюнем!

Цинь Чжэн лишился дара речи.

— Вот как, — безучастно обронил Вэнь Тинъюнь. — Тогда утрись и поторапливайся. Доедайте и марш собирать утварь.

Присутствующие дружно заработали палочками с удвоенной скоростью. Цинь Чжэн, видя, как тяжело приходится Чжоу Ли, поднялся со своей пиалой чая.

— Выпей, полегчает. Не ешь так быстро, а то подавишься, ещё большее станет.

Чжоу Ли с благодарностью поднял на него глаза, но тут же осёкся. Вэнь Тинъюнь снова вцепился в край халата Цинь Чжэна и произнёс с явной обидой в голосе:

— Этот чай я налил тебе.

Цинь Чжэн замер на полпути, чувствуя себя крайне неловко.

— Но ведь он сейчас сгорит от этого перца. Давай я налью ему другую пиалу?

— То, что я приготовил для тебя, принадлежит лишь тебе, — упрямо отрезал Вэнь Тинъюнь. — У них есть своя вода снаружи. Сядь и ешь, я сам тебе положу.

Мягко, но настойчиво потянув Цинь Чжэна за рукав, он усадил его на место и принялся лихорадочно подкладывать ему еду. Вскоре в чаше Цинь Чжэна выросла целая гора из мяса и овощей, за которой скрылся весь рис.

Его кормили словно на убой.

Должно быть, Вэнь Тинъюню надоело терпеть присутствие лишних свидетелей, мешавших важному разговору. Он хмуро бросил в сторону караванщиков:

— Если хотите пить — ступайте во двор. Не мешайте брату Чэню ужинать.

Для слуг эти слова прозвучали не как призыв к отдыху, а как спасительный приговор. Похватав миски, они кубарем покатались к выходу, поспешно и бережно прикрыв за собой обветшалую дверь храма.

Посторонние ушли. Ужин подходил к концу, и пришло время для искреннего разговора.

Цинь Чжэн отставив пустую пиалу, наполнил чаем кубок собеседника и мягко спросил:

— Брат Вэнь, ты проделал долгий путь, разыскал меня в этой глуши, накормил роскошным обедом... Может, теперь мы снимем маски? Скажи честно, мы ведь встречались прежде?

Вэнь Тинъюнь принял пиалу, но пить не спешил. Он задумчиво разглядывал тёмные чаинки, кружащиеся в янтарной воде, и лишь спустя долгое молчание тихо произнёс:

— С чего ты взял, брат Чэнь? Разве нужно непременно делить общее прошлое, чтобы делать человеку добро? Ты пришёлся мне по сердцу, и я лишь захотел быть ближе к тебе. Неужели в этом есть что-то дурное?

От этих слов щёки Цинь Чжэна обдало жаром. Он не понимал, чем успел заслужить такое расположение после единственной короткой встречи, да и само слово «ближе» звучало слишком двусмысленно и интимно. Хорошо ещё, что слуги вышли во двор, иначе бог знает что они могли бы заподозрить.

Юноша решил больше не играть в прятки. Раз таинственный гость сумел выследить его в этом заброшенном святилище, бежать всё равно было некуда. Он посмотрел прямо в глаза Вэнь Тинъюню и произнёс без утайки:

— Всё так, как ты и думал. Моё настоящее имя — Цинь Чжэн.

<http://bllate.org/book/19742/2029524>